



**НОВИКОВА Валерия Юрьевна**  
кандидат филологических наук, доцент,  
кафедра русского и иностранных языков и литературы  
Краснодарского государственного университета культуры и искусств  
г. Краснодар, Россия  
**Valeriya Yu. NOVIKOVA**  
Cand. Sci., (Theory of Language), Assoc. Prof.,  
Department of Russian and Foreign Languages,  
Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia  
**gandzi@yandex.ru**



## **Литературная полемика вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта»**

В статье рассматривается специфика литературной полемики вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта» и анализируется реакция русской журнальной среды на ее раннее творчество в 60-е гг. XIX в.

*Ключевые слова:* литературная критика, идея, художественные достоинства текста.

## **Literary Dispute Revolving About Marko Vovchok's «Tales from the Russian Folk Life»**

The article deals with peculiarity of literary dispute over Marko Vovchok's collection of «Folk Stories». The reaction of Russian journalistic sphere on her early works (60s of 19th century) is also analyzing.

*Keywords:* literary criticism, idea, artistic merit of the text

История развития литературной критики – это гигантское поле боя представителей разных эстетических, художественных и политических концепций. Объективность желанна, как прекрасный дантовский Рай, но недостижима для критика. Золотая середина – не для критика. Его труд всегда был осложнен проблемой выбора между двумя равновеликими задачами, стоящими перед литератором. Что первостепенно для оценки литературного произведения – идейная составляющая, помимо всего прочего демонстрирующая без прикрас психологический портрет самого автора, или художественные достоинства текста, демонстрирующие уровень писательского таланта?

Первый рассказ из будущего сборника – «Маша» – появился в начале 1859 г. в славянофильском журнале «Русская беседа». В том же 1859 г. «Рассказы из русского народного быта»

вышли из печати в Москве отдельной книжкой, где под одной обложкой были собраны уже шесть рассказов. Это издание вызвало нешуточную литературную полемику. Автором книги была писательница Мария Вилинская-Маркович, публиковавшаяся под псевдонимом Марко Вовчок. Но характерной особенностью споров, развернувшихся вокруг этого издания, стал тот факт, что личность автора и принципиальный уровень его литературного дарования беспокоили критику в меньшей степени, чем баланс между художественными достоинствами и идейностью текста. Проблема заключалась в различии эстетических взглядов на искусство в целом, сами же произведения Марко Вовчок, рассматриваемые критикой противоположных лагерей, волновали спорящих намного меньше.

Молодое поколение «утилитаристов», возглавляемых Н. А. Добролюбовым, рассказы

Марко Вовчок заинтересовали прежде всего как литературное отражение лелеемой ими позиции относительно остатков крепостничества в общественной жизни России конца 1850-х гг. Вопрос о «свободе мужика», волновавший демократически настроенные круги русской интеллигенции середины XIX в., и споры вокруг «готовности мужика» к раскрепощению и «самостоятельности» к тому времени уже давно и неоднократно поднимались на страницах русской прогрессивной прессы. Появившиеся в печати «Рассказы из русского народного быта», как и предшествующий сборник «Украинские народные рассказы Марка Вовчка» («Народні оповідання») в переводе И. С. Тургенева, предоставили «утилитаристам» возможность на конкретном примере доказать свою правоту при анализе шести рассказов, входящих в сборник.

В 1860 г. в некрасовском «Современнике» выходит статья Н. А. Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья («Рассказы из народного русского быта» Марка Вовчка. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1859)». Эта публикация стала одной из типичных добролюбовских статей, где автор разбираемого им произведения остается почти в стороне, и вся задача критика заключается в том, чтобы на основании анализа прочитанного текста обсудить проблемы общественной жизни России. Идеальная позиция, занятая Марко Вовчок в этой книге, волнует его куда больше, чем художественные достоинства самих рассказов; Добролюбов одобрительно отзываясь об авторе как о «почти первом и весьма искусном» борце с крепостничеством. «Именно, пользуясь книгою Марка Вовчка, мы хотели привлечь внимание людей пишущих на вопрос о внешнем положении и внутренних свойствах народа [готового теперь вступить в новый период своей жизни]. До сих пор мы слышали самые разноречивые отзывы о нашем простонародье, и – нечего скрывать – всего громче высказывались [самые] невежественные и враждебные мнения», – пишет Добролюбов. – «Литература, по своему существу долженствующая быть проводником идей просвещенных, а не невежественных, сделала, однако, очень мало по этому вопросу... мало наберем мы людей, которые

бы с любовью и знанием дела старались восстановить пред публикой достоинство народа и защитить его [полное] право на [участие во всех преимуществах гражданской жизни]. Против мракобесия и палки восставали много; но и тут самые блестящие статьи были написаны с точки зрения отвлеченного права и общих требований цивилизации [, и едва ли была хоть одна статья, в которой бы толково разбиралось, до какой степени и при каких условиях наш народ может обойтись без палки и не получить вреда от грамоты]. Видно, к сожалению, что литература наша еще мало имеет общего с народом. Участь рассказов Марка Вовчка служит новым тому доказательством; уже около двух лет они известны публике из «Русского вестника»; в начале нынешнего года вышли они отдельной книжкой, а журналы наши до сих пор едва сказали о них “несколько теплых слов”, по журнальной рутине» [1, с. 224–225].

Добролюбов отмечает, что в «Рассказах из народного русского быта» Марко Вовчок даже не старается, как в прежних, выставлять перед читателями преимущественно то, что называется обыкновенно «злоупотреблением помещичьей власти» и является сюжетной основой произведений из первого сборника рассказов. Автор теперь рассматривает обычные, по его словам, ситуации, составляющие нормальное положение крестьянина у помещика, не злоупотребляющего своими правами над ним, и «кротко, без гнева, без горечи рисует нам это [грустное, безотрадное] положение» [1, с. 225]. В результате из этих очерков восстает перед читателями характер русского простолюдина, сохранивший основные черты свои посреди всех обезличивающих, давящих и убивающих отношений, которым он был подчинен в течение нескольких столетий.

Что до анализа художественных достоинств текста и авторского дарования, то Добролюбов оговаривает этот аспект сразу: «Прочитав наши отрывочные и несвязные замечания [(которые в печати представятся еще более несвязными, нежели как были в рукописи)] одни, конечно, найдут их давно знакомыми и излишними, а другие – неосновательными, преувеличенными и неправдоподобными.

Большая часть людей, любящих литературу, заметит при этом, что в статье нашей вовсе нет критики Марка Вовчка» [Там же]. Это объясняется утилитарно-практической позицией автора критической заметки по отношению к искусству вообще и литературе в частности. Однако если в начале статьи Добролюбов говорит о том, что в своем втором сборнике Марко Вовчок не дает целостного полотна народной жизни, что у него видны только намеки, абрисы, а не полные, отделанные картины, то позже еще более ясно обозначает свое отношение к тексту: «Нужно было показать, в какой степени ясны, живы и верны эти намеки и в какой мере важны те явления жизни, к которым они относятся. Мы и обратились к этому пути: мы анализировали характеры, изображенные Марком Вовчком, приводили обстоятельства, способствовавшие правильному или ложному ходу их развития, припоминали русскую действительность и говорили, насколько, по нашему мнению, верно и живо воспроизведены автором русские характеры, насколько обширно значение тех явлений, которых он коснулся. По нашим соображениям вышло, что книжка Марка Вовчка верна русской действительности, что рассказы его касаются чрезвычайно важных сторон народной жизни, и что в легких набросках его мы встречаем штрихи, обнаружившие руку искусного мастера и глубокое, серьезное изучение предмета. Для подтверждения этих выводов мы пускались в довольно пространственные рассуждения о свойствах нашего простонародья и о разных условиях нашей общественной жизни» [там же]. Теперь, по словам Добролюбова, читателю самому предоставляется решить, верно ли, во-первых, он истолковал основную задачу рассказов Марко Вовчок, а во-вторых, справедливы ли и насколько справедливы его замечания о русском народе. Добролюбов полагает, что, решая эти два вопроса, читатель тут же решит для себя и вопрос о степени достоинства книги Марко Вовчок. Далее критик изящно отрешивается от возможного истолкования его молчания относительно художественного дарования автора: если он искажил смысл произведений или «наговорил небывальщины» о народной жизни, то есть если явления и лица, изображенные в сборнике, вовсе не

рисуют реально возможных случаев из жизни народа, а просто рассказывают исключительные, курьезные случаи, не имеющие никакого значения, то очевидно, что и литературное достоинство «Народных рассказов» совершенно ничтожно. «Если же читатель согласится с нами во взгляде на смысл разобранных нами книги, если он признает общность и великое значение тех черт, какие нами указаны в книге Марка Вовчка, то, разумеется, он не может не признать высокого достоинства в литературном явлении, так разносторонне, живо и верно изображающем нашу народную жизнь, так глубоко заглядывающем в душу народа. Таким образом, литературно-критическая цель наша будет достигнута без помощи эстетических туманностей, всегда очень скучных и бесплодных» [1, с. 228].

Следовательно, избегнув «скучных и бесплодных» туманностей, Добролюбов анализирует рассказы Марко Вовчок, исходя из их функциональной полезности в области продвижения определенной идеи – несомненно, авторской, оказавшейся, по счастливому совпадению, созвучной его взглядам. Взглядам, скорее, критика-публициста, а не литературного критика.

Представителей противоположного лагеря сложно упрекнуть в возмущении тем, насколько односторонне Н. А. Добролюбов подошел к истолкованию целей литературной критики. В 1861 г. вышла статья Ф. М. Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве», в которой также поднимался вопрос о художественной ценности рассказов Марко Вовчок. Однако автор статьи тоже не ставил собой задачу оценить творчество Марко Вовчок: Ф. М. Достоевский писал ответ г-ну –[Добролю]бову. Рассмотренная в статье Достоевского борьба между сторонниками «чистого искусства» и «утилитаристами» требовала примера, подтверждающего аномальное отношение «утилитаристов» к литературной критике. И таким примером стал краткий анализ им одного текста из сборника «Рассказы из русского народного быта» – «Маша». Впрочем, трудно назвать анализом лишь попытку оценить адекватность разбора сочинений Марко Вовчок, «помещенного г-ном –бовым в IX № “Современника” за прошлый год. Мы делаем это

особенно потому, что в этом разборе довольно ярко высказывается характер литературных убеждений г-на -бова, а вместе и взгляд его на искусство. А г-н -бов есть, как мы уже сказали, один из предводителей утилитаризма. Следовательно, изучив хоть отчасти г-на -бова, мы поймем и то, как поставлен в настоящую минуту вопрос об искусстве в нашей литературе» [2, с. 60]. Достоевский цитирует Н.А.Добролюбова, чтобы опровергнуть практически каждое его высказывание относительно текста Марко Вовчок, но рассматриваемые Добролюбовым рассказы его мало интересуют. По его собственным словам: «О самом же Марке Вовчке мы в настоящей статье не намерены говорить подробно. Скажем только, что признаем за автором большой ум и превосходные побуждения, в сильном же литературном таланте его сомневаемся» [2, с. 61].

Отзываясь таким образом о Марко Вовчок и ее сочинениях, Ф. М. Достоевский оглавливает масштабы своей критики, поясняя, что имеет в виду только первую повесть в рассказах из великорусского быта – «Маша». «Мы не можем не согласиться, что в других его рассказах есть много чрезвычайно талантливых страниц, хотя в целом ни один рассказ не выдержан. Действительность часто идеализирована, представлена неправдоподобно, а между тем вы сами знаете, что все это, представленное неправдоподобным, действительно может быть в жизни, и досадуете, что оно не оправдано. Мы, впрочем, говорим об одних великорусских рассказах и не трогаем рассказов из малороссийского быта» [2, с. 65].

Высокая идейность художественного произведения ценима Ф. М. Достоевским, по его собственным словам, не менее чем художественность. Однако он осуждает автора народных рассказов за то, что он не умел хорошо сделать свое дело, сделал его дурно и тем повредил делу, а не принес ему пользу. «Чему вы сами радуетесь в этих рассказах?» – спрашивает Ф. М. Достоевский своих читателей. – «Что в них дельные мысли; виден ум, хороший, правдивый взгляд на вещи? так? Но предположив только, что ваша идея справедлива, то есть что защитники настоящего крестьянского быта, как говорите вы, не веруют, что мужику хочется на свободу, повторяем: неужели вы убедите

их этим рассказом?.. Уж если вы, для доказательства вашей идеи, не нашли способа выразить ее в русском духе и русскими лицами, то, согласитесь сами, ведь позволительно заключить, что и факта такого нет в русском духе и невозможен он в русской действительности... Когда надо было указать, как осуществляется ваша мысль на деле, в жизни, русский человек ускользнул от вас. Вы принуждены были одеть в русские кафтаны и сарафаны каких-то швейцарцев из балета; это пейзажи и пейзажки, а не крестьяне и крестьянки» [2, с.74].

Иными словами, по мнению Ф. М. Достоевского, если в произведении, претендующем на реализм, нет реальности, оно не может считаться реалистическим. Полемизируя с Н. А. Добролюбовым, Ф. М. Достоевский писал, что никакие благородные соображения не могут оправдать художественное несовершенство произведения. Рассказы Марко Вовчок вопреки их «хорошему направлению» и «превосходным побуждениям» автора не достигают, по его убеждению, своей цели, так как действительность в них часто идеализирована, представлена неправдоподобно. Сравнивая оценку рассказа «Маша», сделанную Добролюбовым, с собственными впечатлениями об этом произведении, он особенно резко подчеркивает искусственность и манерность авторского воплощения той заветной идеи, которую Марко Вовчок делит с Добролюбовым.

На наш взгляд, Ф. М. Достоевский верно подметил основные недостатки «Рассказов из русского народного быта». Психологическая неопределенность и недостаточная обрисованность характеров, свойственная, скорее, народной байке, чем реалистическому произведению, парадоксально часто превращают главных героинь (Машу, Грушу, Сашу, Надёжу, Катерину) в сентиментальных институток, наряженных в крестьянские рубахи. Сюжеты построены так, что читателю впору не сопереживать персонажам, а плакать над их злоключениями. Речь героев щедро усыпана псевдонародными выражениями; в ней нет той жизненной правды, наличие которой тот же Н.А.Добролюбов считал краеугольным камнем доверия к автору-реалисту.

Ирония заключается в том, что авторы обеих критических статей вместо того, чтобы



указать автору на подобные неточности и мотивировать их неприемлемость для реалистического произведения, избирают «Рассказы из русского народного быта» Марко Вовчок в качестве полигона для разрешения собственных конфликтов, возникших из-за разницы взглядов на эстетические задачи искусства. На наш

взгляд, всесторонний и объективный анализ критикой ранних произведений Марко Вовчок позволил бы автору намного раньше совершенствовать свой индивидуальный стиль и намного раньше подняться до тех высот художественности, которых Марко Вовчок достигнет уже позже в романе «Записки причетника» [3].

#### Использованная литература:

1. Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья (Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859) // Собр. соч.: в 9-ти т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 6. С. 221–228.
2. Достоевский Ф. М. Г-н –бов и вопрос об искусстве // Собр. соч.: в 15-ти т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 47–87.
3. Кедрова М. М. Марко Вовчок // Русские писатели. Биографический словарь. М.: Просвещение, 1990.

#### References:

1. Dobrolyubov, N. A., Cherty dlya kharakteristiki russkogo prostonarod'ya (Rasskazy iz narodnogo russkogo byta Marka Vovchka. Izdanie K. Soldatenkova i N. Shchepkina., Moscow, 1859) (Features for the Characteristics of the Russian Hoi Polloi (Tales from the Russian Folk Life by Marko Vovchok. Soldatenkova, K., and Shchepkin N. . M. 1859)), in *Sobranie sochineniy*, in 9 vols., Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1963, vol. 6, pp. 221–228.
2. Dostoevskiy, F. M., G-n –bov i vopros ob iskusstve, in *Sobranie sochineniy*, in 15 vols., Saint-Petersburg: Nauka, 1993, vol. 11, pp. 47–87.
3. Kedrova, M. M., Marko Vovchok, in *Russkie pisateli. Biograficheskiy slovar'*, Moscow: Prosveshchenie, 1990.

#### Полная библиографическая ссылка на статью:

Новикова, В. Ю. Литературная полемика вокруг сборника Марко Вовчок «Рассказы из русского народного быта» [Электронный ресурс] / В. Ю. Новикова // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 102–106. URL: [http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015\\_2\\_Novikova.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Novikova.pdf). (дата обращения дд.мм.гг.).

#### Full bibliographic reference to the article:

Novikova, V. Yu., Literaturnaya polemika vokrug sbornika Marko Vovchok «Rasskazy iz russkogo narodnogo byta» (Literary Dispute Revolving About Marko Vovchok's «Tales from the Russian Folk Life»), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 102–106. [http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015\\_2\\_Novikova.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Novikova.pdf). Accessed Month DD, YYYY.

